

Таким образом, в годы Второй мировой войны по Трансафриканскому маршруту были доставлены многие миллионы тонн военных грузов, а по воздуху переброшены тысячи самолетов, которые сражались с Роммелем в Африке, на русском фронте, в Северной Африке, Сицилии и Италии, Индонезии, Бирме и Китае. Масштабы использования Африки для доставки вооружений на главные фронты Второй мировой войны позволяют переоценить принятые представления о роли этого континента в 1939–1945 гг.

Список цитированных источников и литературы

1. Африка и Вторая мировая война: сб. статей / отв. ред. Ю.Н. Зотова. – М.: Издательская фирма «Восточная Литература» РАН, 1996. – 231 с.
2. Национальный Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://militeka.lib.ru>: Стенниус, Э. Ленд-лиз – оружие победы / Э. Стенниус. – М.: Вече, 2000. – 400 с.
3. Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Документы и материалы. – Т. 1. – М, 1984.
4. Френкель, М.Ю. Вторая мировая война: глобальная стратегия и Африка / М.Ю. Френкель. – М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – 186 с.

ЭМПАТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ОСВЕЩЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ВОЕННЫХ ЛЕТ

Поталков Ю.В.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

Выражение «эмпатический взгляд» требует определённого пояснения. Слово «эмпатия» в переводе с латинского означает сопереживание. Итак, эмпатия – это постижение мира через сопереживание, «способность представить себя на месте другого человека и понять его чувства, желания, идеи и поступки» [1, с. 539]. Следовательно, нам при рассмотрении темы, заявленной в названии доклада, предстоит интуитивно представить себя на месте героев художественной литературы, посвящённой Великой Отечественной войне.

Эмпатия может быть двуединой и триединой. Двуединая эмпатия состоит в сопереживании двух духовных ипостасей, а именно человека и бытия. Мы в нашем сообществе опираемся на триединую эмпатию, которая предполагает сопереживание трёх актантов: Бога, человека и бытия. Названное нами триединство не представляет собою некую априорную новацию в познании этических сущностей, а выступает в качестве извечной мегаидеи духовного движения материи. Любое изделие рук человеческих – будь то научная концепция, творение искусства или же предмет утилитарного употребления – начинается с Божьего замысла, продолжается в человеческом креативном действии и завершается в реальном бытовании задуманного Богом и сотворённого человеком.

Применительно к избранной нами теме, эмпатический взгляд означает восприятие Великой Отечественной войны как явления надсоциального, поднятого над политическими, экономическими и т.д. интересами сторон, участвовавших в конфликте. Бог задумывает гармонию; человек решает, как именно воплотить в реальность. В 30–40-е гг. XX в. один лидер решил во имя означенной гармонии привести человечество к безликой коммунистической уравнильности. Другой лидер во имя всё той же гармонии попробовал утвердить на земле власть сверхчеловеков. Как очевидно сейчас, ни одно из означенных решений отношения к Божьему «возлюби» не имело. Наоборот, они оказались проявлениями трагического безбожия.

Война советского народа с нацистскими захватчиками оказалась именно отечественной, то есть в ней столкнулись гармония (извечная верность человека данному ему Богом Отечеству) и дисгармония (стремление человека завладеть тем, что Богом ему не предназначено). Красный флаг над Рейхстагом в мае 1945 года - это победа Божьей гармонии. Христос в очередной раз выгнал торгующих из храма. Но остался ли Всевышний доволен той ценой, которую человечество ушатило за реализацию Божьего замысла? Кто даст ответ?

Но есть и ещё один, гораздо более близкий к нам, людям, вопрос. Он таков: оправдан ли тот подход к осмыслению Великой Отечественной войны, который мы представили выше? Нам представляется, что оправдан. Для утверждения этой мысли обратимся к эпосе Льва Толстого «Война и мир». Величие этого шедевра состоит не только в том, что писатель точно передал реалии исторической эпохи. Роман велик тем, что центральным в нём стал образ неба, то есть ипостаси извечной, надчеловеческой, надисторической.

Вспомним: поле Аустерлица. Раненый князь Болконский со знаменем в руках лежит на земле и страдает от ран физических и духовных. Всю свою жизнь Андрей был обуян гордыней: мечтал о славе, ему грезилась судьба второго Наполеона. То есть душою этого человека правила война, дисгармония, а не мир, гармония. Но истекая кровью на поле Аустерлица, князь увидел над собою вечное небо и осознал мелочность, ничтожность своих «наполеоновских» устремлений. В этот момент к распластанному на земле страдальцу подъезжает на коне император Бонапарт и, обращаясь к свите, произносит пустую фразу: «Вот смерть, достойная героя». Гениальный завоеватель неба не увидел, да и не мог увидеть: он был воплощением дисгармонии, войны.

Следовательно, роман Л. Толстого рассказывает нам о том, что в войне 1812 года столкнулись между собой те, кто небо видел, с теми, кто о существовании неба даже не подозревал. То же случилось в годы Великой Отечественной войны. Сегодня, когда эти исторические события ушли в прошлое, эпоса «Война и мир» продолжает быть остро необходимой нам. Почему? Не потому ли, что, человечество извечно разделено на видящих небо и не видящих его?

Итак, в сцене на поле Аустерлица мы видим реальность триединого соперживания: Бог, выступающий в образе извечного Неба; герой романа Л. Толстого, судьбу которого складывает встреча с Небом; читатель, то есть каждый из нас, которого означенная выше сцена из романа спрашивает: «А согласишься ли ты свою этическую практику с мудростью извечной правды?» Значит, рассуждая об отражении в литературе моральной картины Великой Отечественной войны, мы, по сути дела, говорим и о самих себе, нынешних, и о духовном будущем человечества.

В советской литературе военного времени с первых дней проявила себя феноменология стыда, то есть чувство личной вины мужчины перед миром, небом, гармонией, женщиной за то, что на советскую землю пришла дисгармония. В первый день войны поэт Алексей Сурков написал стихотворение «Песня смельх». Там он залихватски заявил, что победа над врагом не только близка, но и легка. Как тут не вспомнить обуянного гордыней Андрея Болконского? И как не понять, что «небо Аустерлица» к каждому советскому солдату 1941 года в течение военного испытания ещё придёт?

Так и случилось: уже в сентябре 1941 года тот же Сурков написал знаменитую «Землянку», в которой предчувствие встречи с извечным Небом уже ощущается:

До тебя мне дойти нелегко,
А до смерти - четыре шага.

«До тебя» - здесь не только «до любимой женщины», но и до жизни духа, до гармонии, до высшего идеала духовности, до извечного Неба. «Смерть» в стихотворении – не простая констатация физической гибели, но воплощение бездуховности, в которой извечному небу места нет. Бездумный персонаж из «Песни смелых» превратился в трагического философа, в личность, чувствующую необходимость определить своё место между жизнью духа и смертью духа. Всенародное признание этой песни доказало, что в большинстве своём советское общество, израненное войной и предвоенными репрессиями, в труднейшее для себя время обратило свои взоры к вечному небу.

Соотношение «Песни смелых» и «Землянки» показало суть драмы: советская идеология в первые дни военного противостояния духовно не была готова ко встрече с этикой извечного Неба. Эта неподготовленность была настолько очевидной, что в официальной литературе появились произведения, буквально пронизанные чувством стыда и вины. Примером в этом смысле может служить стихотворение К. Симонова «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины ...», созданное осенью 1941 года. Вспомним это стихотворение хотя бы фрагментарно:

Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины,
Как шли бесконечные злые дожди,
Как крынки несли нам усталые женщины,
Прижав, как детей, от дождя их к груди.
Как слёзы они утирали украдкой,
Как вслед нам шептали: «Господь вас спаси!»
И снова себя называли солдатками,
Как встарь повелось на Великой Руси.

Женщины здесь – безусловно не только зримые образы, но и воплощение того Вечного Неба, о котором мы ведём речь. Слёзы они вытирают украдкой. А как же иначе? Нельзя же громким рыданием убивать душу солдат, идущих в бой. Небо над Андреем Болконским тоже было молчаливым. Женщины вслед не кричат, а шепчут. Но для воинов этот шёпот равен гласу Господнему. На фронт ратников провожает та высшая любовь, которая идёт с нашим народом через всю его историю.

Любовь шепчет, прощает, но отступающим воинам от этого не легче: им стыдно за то, что они уходят и оставляют своих любимых на растерзание фашистам. Стыдно отступающим и за то, что они забыли Бога. Им кажется,

Как будто за каждую русской околицей,
Крестом своих рук ограждая живых,
Всем миром сойдясь, наши прадеды молятся
За в бога не верящих внуков своих.

Вот она - боль, вот она - беда! В бой с агрессором вступила безбожная страна. Только потом будет понято, что народ не безбожен, что гитлеровское «Готт мит унс» - всего лишь демагогический ход, что фашисты - явление антихриста. Советские герои погибали как истинные Христовы воины. А тогда, осенью 1941г., всё было позорно и непонятно. Обжигала стыдом каждая встреча на дороге отступления. Она помнилась и не уходила из сердца:

Ты помнишь, Алёша: изба под Борисовом,
По мёртвому плачущий девичий крик,
Седая старуха в салопчике плисовом,
Весь в белом, как на смерть одетый, старик.
Ну что им сказать, чем утешить могли мы их?
Но горе поняв своим бабьим чутьём,
Ты помнишь, старуха сказала: «Родимые,
Покуда идите, мы вас подождём»

Какие страшные, какие убийственные для мужчины-защитника признания: «Ну что им сказать, чем утешить...!»! Сказать нечего, и утешить нечем. Стыд и позор. Если воспринимать стихотворение «Ты помнишь, Алёша...» как документ духовного состояния общества, можно утверждать, что советская идеология начала войны была трагически оторвана от Божьего замысла, то есть к участию в триединой эмпатии готова не была. Иное дело - этическая вселенная «посёлков, что дедами пройдены, с простыми крестами их русских могил». Старуха из-под Борисова, в отличие от отступающих военных, знает, что сказать и чем утешить Она - явление неба и поэтому проносит главное, Божье: «Родимые!», то есть - возлюби ближнего своего. И далее: «Покуда идите, мы вас подождём». Подождём - это потерпим, пострадаем во имя любви, во имя гармонии, во имя победы милосердия Господнего.

Вопросы и сомнения лирического героя стихотворения «Ты помнишь, Алёша...» требовали ответа: отыскал ли советский солдат на своём военном пути путь к Небу, к мирозерцанию Старухи из-под Борисова? Ответ мог быть дан только самой духовной действительностью войны, запечатлённой в художественной литературе. В 1945 году поэт Семён Гудзенко написал стихотворение «Моё поколение», которое уже одним своим названием претендовало на осмысление духовных итогов войны. Наверное, Гудзенко был бы искренне удивлён, если бы ему сказали, что «Моему поколению» предназначено свыше дать ответы на те вопросы, которые прозвучали в стихотворении «Ты помнишь, Алёша...». Воинам-победителям было уже, что сказать и чем утешить:

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого б не жалели.
Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.
На живых порыжели от крови и глины шинели,
На могилах у мёртвых расцвели голубые цветы.
Расцвели и опали... Проходит четвёртая осень.
Наши матери плачут, и ровесницы молча грустят.
Мы не знали любви, не извели счастья ремёсел,
Нам досталась на долю нелёгкая участь солдат.

Мучений совести (в отличие от солдат начала войны) освободители Родины и планеты, честно прошедшие по огненным дорогам, не испытывают: они чисты перед Всевышним. Который дал им нелёгкую участь солдат. Поэтому они и вознаграждены победой над противником. Воины знали любовь, хоть говорят, что они её не знали. Солдаты были лишены любви-события, но в состоянии душевной любви пребывали постоянно. Поэтому с полным правом сопереживают с любовью матерей и ровесниц; поэтому замечают Божью любовь в суровой заботе комбата о них. То есть Небо всегда видно воинам.

Подвиг сражения с врагом дал солдатам силу для благородной любви ко всему сущему, наполнил их жизненный путь апостольским служением. Именно такое служение определяют для себя солдаты в своих грёзах о будущем:

Мы поклонимся в ноги родным истрадавшимися людям,
Матерей расцелуем и подруг, что дождались любя.
Вот когда мы вернёмся и победу штыками добудем –
Всё долгобим, ровесник, и работу найдём для себя.

Следует понимать, что среди родных истрадавших людей будет и старуха из-под Борисова, воспетая К.Симоновым. Ей поклонятся в ноги солдаты, которым нечего было сказать в 1941 году, но которые на военных дорогах превратились в апостолов добра. «Всё долгобим» – это конечно же слова, выражающие миссию совершенствования и одухотворения человеческого и вселенского бытия. Божье «возлюби ближнего своего» отныне под силу не только симоновской старухе, но и апостолам-освободителям.

Любой знакомящийся с нашим сообщением, в праве спросить: «А вы уверены, что К.Симонов и С.Гудзенко хотели выразить именно то, что вы решились отыскать в их стихотворениях? Правомерно ли вообще свободно трактовать художественные произведения?» На такие возможные вопросы можно ответить однозначно. Ни один настоящий создатель искусства не знает и не может знать до конца, что именно выразилось в его произведении, как и никто из людей не в силах предугадать, к чему приведёт любой, даже внешне незначительный жизненный эпизод. Первоавтором любого поэтического замысла (как и любого жизненного эпизода) является Господь. Поэт, даже самый гениальный – всего лишь переводчик с языка Божьего на язык человеческий. Читатель же переводит язык Бога и поэта на язык собственной души.

Таким образом, подходя к представленному литературному материалу эмпатически, сопереживательно, можно утверждать, что первоавтором стихотворений «Ты помнишь, Алёша...» и «Моё поколение» была одна и та же творческая личность, которая созидает нашу жизнь как единое, непостижимое человеческому разуму, суперстихотворение. Вот почему два поэтические произведения, рассмотренные здесь, оказались общим поводом для осмысления отражённой в художественной литературе духовной атмосферы Великой Отечественной войны.

Между стихотворениями Симонова и Гудзенко заключена вся война, в которую вместились множество литературных, публицистических, музыкальных и т.д. произведений, каждое из которых достойно особого разговора, поскольку являет собою акт троеединного творческого сопереживания Бога, поэта и народа. Но ясно одно: эмпатическое, сопереживательное исследование Великой Отечественной войны как морально – этического феномена необходимо и с годами оказывается всё более необходимым. Эта необходимость всё более очевидна в условиях, когда предпринимаются возмутительные попытки переписать историю прошедшей войны. Представить героев предателями, а предателей – героями. И встаёт вопрос о том, достойны ли мы, нынешние разговаривать с той самой старухой из-под Борисова.

Будут идти годы, и сама память о войне постепенно превратится в памятник той великой Божьей любви, которая сумела победить дьявольскую ненависть. Память эта будет разной, поскольку о прошедших сражениях будут говорить те, кто небо видит, и те, кому видеть небо вредно для здоровья. За какой памятью будущее? Современность не даёт однозначного ответа на этот вопрос. Но опыт истории показывает: всегда и везде побеждает Божье «Возлюби!» Уверены, что так же будет и впредь.

Список цитированных источников и литературы

1. Философский энциклопедический словарь. – М., 1997.

ОБОРОНИТЕЛЬНЫЕ БОИ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ В 1941 г.

Птичкина С.А.

УО «Брестский государственный технический университет», г. Брест

22 июня 1941 года войска фашистской Германии и её союзников вторглись на территорию СССР. Началась Великая Отечественная война.

21 июня пограничники и разведчики докладывали об изготовившемся к нападению противнике. На фашистских аэродромах сплошной гул самолётов, экипажи в кабинах, танковые двигатели запущены и прогреваются, артиллерия на огневых позициях. В боевых действиях Западного фронта читаем: «Распоряжение о приведении частей округа в боевую готовность поступило около часу ночи 22 июня 1941 г., в войска передано в 2.25»[5, с. 61]. Директивные указания практически оказались невыполненными в связи с их запоздалым поступлением в воинские части.